

В.М. Каиров подчеркивает, что рациональность современного языка науки подчиняется принципам критического анализа познавательных и ценностных предпосылок, возможности выхода за их пределы, диалогизма, единства рациональных и иррациональных форм в науке и культуре, критического переосмысления субъектом результатов своего познания и отношения к миру [1: 146–149].

Современный этап построения теории научного познания характеризуется проблемным соотношением формальных языковых конструкций и действительности, аналитичности и синтетичности высказываний. Правомерно предполагать, что язык науки в контексте постнеклассической рациональности представляет собой терминологическую систему, стремящуюся к жесткой однозначной связи между важными составляющими научной теории – знаком и значением – и четкому определению правил описания и объяснения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каиров В.М. Язык науки в контексте постнеклассической рациональности // Вестник Российского философского общества. – М.: РФО, 2006. – № 4. – С. 144–149.
2. Киященко Л.П. Мифопоэзис научного дискурса // Философия науки. – М.: ИНФРА, 2002. – Вып. 8: Синергетика человеческой реальности. – С.355–376.
3. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории): Научное издание. – М.: Академический проект, 2008. – 692 с.
4. Лешкевич Т.Г. Философия науки. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 272 с.
5. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. – М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 272 с.
6. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / АН СССР. Ин-т языкознания / Отв. ред. В.П. Нерознак. – М.: Наука, 1985. – 395 с.
7. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: Учеб. пособие. – М.: Контакт-Альфа, 1995. – 384 с.
8. Черникова И.В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2004. – № 6. – С. 94–103.

Л.Ю. Емельянова

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ЭКСПЛИЦИТНЫМ МОДУСОМ СОМНЕНИЯ

В современной философии, гносеологии все большее внимание уделяется модальному компоненту предложения-высказывания. В лингвистике модальность определяется как «функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения содержания высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [6]. Проблемой интерпретации модальности занимались многие ученые (В.Г. Адмони, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.Б. Касевич, Е.В. Падучева, Ю.С. Степанов, и др.).

По классификации Н.Д. Арутюновой, сомнение относится к ментальному (когнитивному, эпистемическому модусу) [1: 109]. Модус сомнения выражает отношение к некоторому утверждению или мнению с точки зрения его истинности, хотя и оставляет истинностное значение суждения неопределенным.

(1) – *Я вовсе... не с тем, – возразил Николай Артемьевич, по-прежнему избегая взоров Шубина. – Впрочем я охотно вас прощаю, потому что, вы знаете, я невзыскательный человек.*

– *О, это не подвержено никакому сомнению! – промолвил Шубин (Тургенев И.С. Накануне).*

(2) – *Не рехнулся я, сударыня, в рассудке своем, – отвечал Мартын Петрович, – не таковский я человек. Но мне нужно с вами посоветоваться.*

– *О чем?*

– *Только сомневаюсь я, будет ли вам сие приятно...*

– *Говори, говори, отец, да попросе. Не волнуй ты меня! К чему тут сие? Говори просе [...]* (Тургенев И.С. Степной король лир).

В (1) Шубин выражает свое отношение к мнению Николая Артемьевича, а именно то, что он не сомневается, уверен в его словах. В ответной реплике, тема которой согласуется с репликой-стимулом, в позицию предиката выдвигается модус, выражающий пропозициональное отношение, в данном случае не-сомнение, т.е. уверенность в истинности слов Николая Артемьевича. В (2) Мартын Петрович выражает свое отношение к собственной просьбе, он сомневается в своем намерении посоветоваться.

Ментальный модус может быть выражен не только эксплицитно или редуцированно, но и имплицитно, неявно. Средствами импликации ментального модуса являются, в частности, предлоги, союзы, частицы и прочие слова, которые принято называть служебными, формальными, но которые обладают богатством синтаксических, семантических и прагматических свойств [3: 20].

(3) – *Он ничего не делал и навряд ли думал, а если и думал, так берег свои думы про себя.* [Может думал, а может и нет] (Тургенев И.С. Накануне).

(4) – *Сочиним мы фокус или нет?* [Может сочиним, а может и нет] (Тургенев И.С. Накануне).

В (3) и (4) отсутствует предикат «сомневаться», но в высказывании есть компонент смысла сомнения, который выражается при помощи частиц *навряд ли* и *или*. Предикат «сомневаться» манифестируется частицами [=Я сомневаюсь, думал он или нет], [Может сочиним, а может и нет].

Толковый словарь русских глаголов [5: 524] относит предикат «сомневаться» к группе глаголов эмоционального состояния, пребывания субъекта в эмоциональном состоянии и дает такие толкования этого значения: испытывать неуверенность в истинности чего-л., не имея твердой веры в кого-л., что-л., например:

(5) *Именно сам индивид, отдельный мыслящий субъект, а не, например, группа исследователей, задает вопросы, то есть сомневается* (Скирбекк Г. История философии).

В современном толковом словаре русского языка [4: 773] значения рассматриваемых лексем описываются следующим образом:

сомневаться – испытывать сомнение, не быть уверенным в ком-л., чем-л.;

сомнение – 1) неуверенность в истинности, возможности чего-л., отсутствие твердой веры в кого-, что-л. || опасение, подозрение, колебание; 2) затруднение, неясность, возникающие при разрешении какого-л. вопроса;

сомнительный – 1) вызывающий сомнение, подозрение, опасение, не внушающий доверия; 2) вызывающий сомнение в своем истолковании, такой, который может быть понят в противоположном смысле, истолкован двояко; 3) разг. вызывающий сомнение в наличии качества (выраженного определяемым существительным) || имеющий низкое качество, недоброкачественный.

Толкования значений рассматриваемых лексем в немецком и английском языках сходны с толкованиями этих лексем в русском языке (см. [7; 8]).

- (6) *He hesitated, pulled one way by desire, the other way by fear; then he stole to the door and peeped out, listening; [...]* (Он колебался, с одной стороны – желание, с другой – страх, потом он добрался до двери и выбежал, слушая) (Mark Twain. A connecticut yankee in King Arthur's court).
- (7) *"No doubt, no doubt. But how many, Clarence? [...]"* (Без сомнения, без сомнения, но как много, Клэрэнс?) (Mark Twain. A connecticut yankee in King Arthur's court).

Сомневаясь, говорящий субъективно квалифицирует событие. Данная квалификация осуществляется как констатация недостоверности сообщаемого, она вводит в предложение-высказывание оценочную модусную характеристику, накладывая ее на диктумное содержание. Сомнение включается в группу смыслов, которые условно можно назвать актуальными квалификативными, или прагматическими (см. [2]). Данные смыслы реализуются на базе логических смыслов возможности и вероятности и соотносятся с лексическим и категориальным значением слов, которые предназначены для выражения сомнения.

Сомнение предполагает ряд обязательных характеристик: отношение факта к реальной действительности с точки зрения возможности и вероятности его осуществления; отношение факта к говорящему; отношение говорящего к возможности осуществления факта. Сомнение базируется на субъективно-авторском мнении и выражает мысль о возможном несоответствии факта действительному положению вещей. Сомнение основывается на предположении, предположение же исходит из возможности. Предполагать можно то, что является возможным, что потенциально осуществимо. Но предположение в отличие от возможности всегда субъективно, ведь возможность зависит не столько от субъективного фактора, сколько от условий, которые существуют вне данного фактора в объективной реальности. Предположение – это база для реализации сомнения. В высказываниях, в которых выражено сомнение, всегда имеется какая-то доля предположительности, однако она не превалирует, так как цель говорящего заключается не столько в том, чтобы предположить что-л., сколько в том, чтобы выразить сомнение в достоверности или недостоверности факта, неуверенность в истинности чего-либо, актуализировать неясность, спорность проблемы, колебание, возникающее в ходе квалификации события, и т.п. Модальность сомнительной оценки, входящая в структуру эпистемической модальности, означает недостаточное знание говорящего о возможности существования связи между субъектом предикации и его признаком. Оценивающий субъект (субъект 1) лишь предполагает наличие такой связи, это результат его мыслительной деятельности. В этом смысле модальность данного типа субъективна, так как всегда связана с умозаключением говорящего (см. [Op.cit.]). В (3) говорящий (субъект 1) лишь предполагает, думал ли его собеседник (субъект) в момент разговора или нет (признак субъекта). Данное предположение – субъективное мнение говорящего, которое может не быть истинным, может не соответствовать действительности. Можно таким образом сделать вывод о том, что эксплицитный модус сомнения относится к субъективной модальности. В (1) Шубин не сомневается, т.е. уверен в истинности слов Николая Артемьевича, но это лишь его личное мнение, которое не подтверждено никакими фактами. В (2) Мартын Петрович высказывает свое личное мнение в отношении своего предложения, он сомневается, будут ли его слова приятны героине. В данной пропозиции

мы наблюдаем невыбранность истинностного значения, «невыбранное» мнение, наличие дизъюнкции внутри пропозиции. Мартын Петрович не высказывает «четкую» позицию по отношению к собственным словам, либо его слова будут приятны героине, либо не будут, т.е. он сомневается. Но героиня просит его продолжать разговор, таким образом «выбрав» истинностное значение, разрешив сомнения Мартына Петровича.

Наличие дизъюнкции внутри пропозиции – это еще один отличительный признак эксплицитного модуса сомнения. Если имеет место «выбранность» мнения, то мы в этом случае используем предикаты полагания: *Я думаю, он придет* [= Я уверен, что он придет]. В примере *Я сомневаюсь, придет ли он* предикат «сомневаться» предполагает «невыбранность» мнения [=Может придет, а может и нет].

Ментальная операция по обработке поступающей информации представляет специфическую пропозицию – модусную ситуацию, которая является рефлексией говорящего относительно содержания диктума. Диктумная и модусная ситуации располагаются на разных уровнях языкового отражения: диктумная ситуация вербализуется на первичном уровне, а факт рефлексии по этому поводу задает другой уровень, противопоставленный первому, – уровень рефлексии. Порождаемый модусными единицами «субъектный» метауровень актуализирует субъекта речи и его интеллектуальную обработку, интерпретацию текущей ситуации.

Категория модуса сомнения эксплицирует субъективность в значении предложения, выражает намерение говорящего представить положение дел как соответствие или несоответствие истинности, как результат ментальной операции, произведенной над пропозициональным содержанием. В формах модуса выражается оценка диктумного события под разными углами зрения: модальным, эмоциональным, истинностным, этическим, интеллектуальным. Это означает, что предложения с предикатами *сомневаться, zweifeln, doubt* в синтаксической вершине позволяют установить, как следует оценивать ситуацию, описываемую подчиненной пропозицией: как соответствующую или несоответствующую истине, воображаемую или реальную.

Отличительной чертой высказываний с эксплицитным модусом сомнения является отношение к некоторому утверждению или мнению с точки зрения его истинности, хотя истинностное значение суждения остается неопределенным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука. – 1988. – 341 с.
2. О некоторых особенностях средств выражения модальности сомнительной оценки (на материале английского, французского и русского языков).
<<http://tpl1999.narod.ru/Selezneva1.htm>>
3. Рябцева Н.К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: Межъязыковой аспект: Научный доклад ... докт. филол. наук. – М. – 1996. – 112 с.
4. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт». – 2004. – 960 с.
5. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: «АСТ – Пресс». – 1999. – 693 с.
6. Эпштейн М. Философия возможного. http://old.russ.ru/antolog/intelnet/fs_modality.html
7. Longman Language Activator. – Harlow. – Longman. – 2000. – 1587 p.
8. Deutsches Universalwörterbuch. – 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich. – Dudenverlag. – 2002. – 1892 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

1. Тургенев И.С. Накануне. Степной король лир. – Л.: «Художественная литература». – 1985.
2. Скирбекк Г. История философии: Учеб. пособие для студентов вузов / Пер. с англ. В.И. Кузнецова; под ред. С.Б. Крымского. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. – 2008.
3. Mark Twain. A connecticut yankee in King Arthur's court. – The new American library, inc. – 1980.

Н. А. Ермолина

АКТУАЛИЗАЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА
ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Анализируя переводы англо- и русскоязычных художественных текстов, мы нередко встречались с *актуализацией грамматической категории в переводе*, когда отсутствие или несовпадение каких-либо грамматических форм в языке оригинала или перевода вызывало у переводчика большие трудности. Стараясь создать свой собственный поэтический язык, авторы шедевров мировой литературы прибегают к всевозможным стилистическим приемам, которые, нарушая ожидания читателя, пробуждают у него рефлексию и участвуют в образовании новых смыслов художественного текста. Одним из рассматриваемых нами приемов стала персонифицирующая транспозиция рода в английском языке [2], когда автор произвольно приписывает мужской или женский род неодушевленному существительному. Такая транспозиция является частным случаем метафоризации, помогающей автору текста создавать и усложнять художественный образ. Нужно отметить, что в принципе приписывание рода в английском языке считается свободным, поскольку разные писатели, беря за основу одно и то же существительное, метафоризируют его по-разному, произвольно относя либо к женскому, либо к мужскому роду. В результате отсутствия четких правил отнесения к роду, У. Шекспир в своих «Сонетах» соотносит существительное love с местоимением he, а у Д. Томаса «любовь» предстает в качестве женского образа.

С. Бухтояров [3] акцентирует внимание на том, что приписываемый род в среднем в 60% случаях не совпадает с родом, присущим данному существительному в раннеанглийский период, поэтому нельзя говорить о частичном сохранении рода английскими существительными. Наоборот, при сравнении персонификаций в творчестве У. Шекспира с родовой принадлежностью этих же существительных в греческом языке на том же историческом этапе мы видим полное их совпадение. Отсюда следует вывод о сильном влиянии культурных контактов и заимствований на ощущение принадлежности существительного родного языка к группе существительных мужского или женского рода. Такое влияние было оказано на языки, проходящие стадию своего формирования под воздействием классических языков. Чаще всего род приписывается абстрактным существительным или же тем, которые выражают глобальные, универсальные понятия (Земля, Луна, Солнце и т. д.).

В языках, где род не является значимой грамматической категорией, такое приписывание является в художественном тексте актуализированным средством олицетворения и создания яркого художественного образа. Естественно, любая подобная актуализация должна находить адекватное отображение в переводе, по-